

Островский Д.О.
РЕАЛИЯ, СИМВОЛ: КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Говоря о роли Реалии и Символа в коммуникации, хотелось бы еще раз остановиться на основных понятиях коммуникации с позиции предмета нашего исследования. Итак, по критерию высокой частотности функционирования терминологического инструментария, можно выделить три основные понятия, сопутствующие процессу коммуникации. Любая коммуникация включает в себя: 1) коммуникантов, 2) контакт, 3) послание. Проведем более подробный анализ понятийного аппарата нашего явления с дальнейшим переходом к лексическому наполнению основных коммуникативных функций в момент их реализации.

Общеустановленное деление коммуникантов на “внутренних” и “внешних” логично было бы дополнить классификацией на социально-культурологических уровнях. Иными словами, предлагается отметить на горизонтальной шкале следующие коммуникативные объемы:

а) на культурологическом уровне: моно-, мульти-, кросс-, мета-;

б) на социальном уровне в пределах моно- и далее метакультуры: личностный объем коммуникаций и далее контакт на уровне микроколлектива, макроколлектива, мегаколлектива и метаколлектива.

С другой стороны, коммуникация как явление включает в себя еще некоторые объективно заданные особенности, которые заставляют нас обратить внимание на когнитивный аспект контакта. В данном случае это биологически определенное осознание другого коммуниканта с его другой системой мировосприятия как “иного”. То есть при контакте проявляются две основные оппозиционалии: “свое мировосприятие” и “чужое”, “свои ментальные ценности” и “чужие”. Как мы уже говорили, такое деление имеет символические корни, и оно встречается на всех коммуникативных уровнях, начиная с личностного, заканчивая общечеловеческим (метакультурологическим). Поэтому было бы логично отмечать объемы коммуникаций как на “своем пространстве”, так и на “чужом”.

То есть схема обозначений коммуникативных объемов выглядит следующим образом: общая горизонталь с единым началом и пространственным разграничением на “свое” и “чужое”. Коммуникативные, социально-культурологические уровни отмечаются в “зеркальном” порядке как на одном, так и на другом полюсе шкалы. Резюмируя вышесказанное, хотелось бы отметить, что для нашего исследования является релевантным культурологическое деление на коммуникативные объемы с моно-, мульти-, кросс-, метаярусами с общим разграничением пространств на “свое” и “чужое”.

Нельзя не согласиться с утверждением, что контакт возможен только при желании коммуникантов. В свою очередь, желание контактировать детерминировано стремлением человека к познанию, с одной стороны, и к его иерархической выделенности - с другой. Любопытно отметить, что первый вариант контакта определен психобиологическими, объективными причинами познания самого себя через восприятие и осознание себя в “ином” и “иного” в себе. Этот общеустановленный вариант мы обозначили условно как “положительный” в рамках коммуникации.

Но здесь хотелось бы также оговорить один из малоисследованных подвариантов познания, который мы относим в разряд отрицательных. Положительный или отрицательный вариант познания зависит прежде всего от нашего отношения к познаваемому: как к объекту или субъекту. При этом субъект познания воспринимается как “иной мир” со своим “центром” и “периферией”. Для его понимания необходим со стороны контактера процесс партиципации (вчувствования), мысленный “переход” в “мир чужих ценностей и реалий”. Само понятие партиципация включает в себя “понимание” коммуникантом “ассоциативных полей” и развитие возможных “ассоциативных цепей” у субъекта познания. С точки зрения лингвистики это означает возможность осознания контактером “иных” моделей “наименования” или “переименования” явлений действительности. Но, как мы уже упоминали, “освоение чужого образного мира” невозможно без понимания ценностных ориентиров коммуниканта, его уникальных характеристик.

Отношение к коммуниканту или явлению как “объекту познания” не предполагает процесса партиципации – “освоение чужого образного пространства” и понимание “иного видения мира”. Коммуникант не выделяет ядерные понятия в “чужой” культуре, он лишь воспринимает и фиксирует уникальные, периферийные явления. При этом, не имея “ядерной поддержки”, эти языковые явления воспринимаются на символическом уровне как “чужие” с соответствующей их оценкой. Следующим шагом со стороны адресанта будет навязывание “своих” ценностных ориентиров адресату.

Еще одним вариантом отношения к явлению окружающей действительности как к объекту является познание через его “разрушение”. При этом мы дробим это явление на другие, более мелкие объекты познания, но только на “периферийном пространстве”, без видения его “центра”, понимания его “основной идеи”.

Следующим негативным вариантом коммуникации является контакт с целью совершения воздействия. Понятие “воздействие” несет также объективно-символический характер и связано с процессом расширения жизнедеятельности человека и его дальнейшей иерархической выделенностью. Сам акт подавления может проявляться в намеренном пренебрежении чужими ценностями приоритетами и уникальными ментальными характеристиками субъекта. Такой коммуникант не видит перед собой субъекта. Он исключает (намеренно или нет) любую возможность существования иных мировоззренческих моделей. С другой стороны, воздействие может проходить более подготовлено и на более глубоком коммуникативном уровне. В первом варианте подавления (менее эффективном) затрагиваются лишь “пограничные” в ментальной структуре коммуникантов, к тому же с его последующей реакцией на агрессию извне.

Во втором случае воздействие направлено на сам “центр” коммуниканта, оно сориентировано на изменение

“образной картины мышления” с последующей инверсией оценочных значений определенных явлений действительности. При изменении “центра” с его “установившимися ассоциативными полями” меняется и сама уникальность ментальной структуры человека.

Иными словами, воздействие может быть направлено как на “границы”, так и на “центр” системы мировосприятия субъекта. Если первый вариант всегда приводит к “открытому конфликту”, то во втором случае повышенная частотность “новых образных картин” может привести к постепенной адаптации субъекта к новым “ассоциативным цепям”.

Общеустановленно, что послание возможно на вербальном и невербальном уровнях. При этом послание может осуществляться как при непосредственном, так и опосредованном контакте. Если при непосредственном контакте еще можно проверить, в какой-то степени, что суть послания будет понятной коммуниканту, то при опосредованном контакте желательнее выдерживать правила ситуативной связанности, либо воспользоваться услугами посредника-медиума.

Дело в том, что, даже при обоюдном желании коммуникантов контактировать, основная задача адресанта – это сделать послание как можно более понятным для адресата. Иными словами, основным критерием послания является “понятность”. И в зависимости от типа контакта (непосредственного / опосредованного) выбираются адресантом средства, чтобы сделать послание более понятным для адресата. Если прелокуция влияет прежде всего на форму и тип послания, то от правильного понимания его иллокутивных характеристик зависит адекватность восприятия этого послания. Поскольку в основе коммуникации лежит принцип передачи своего отношения к явлению действительности, то контактер подкрепляет и фиксирует свою оценку с помощью средств, понятных на самом широком коммуникативном уровне. Это значит, что в основе эти единицы отличаются устойчивостью оценки (соответственно и ассоциаций), а семантическая “понятность” зависит от их темпоральных характеристик. То есть чем единица “старее”, тем она “понятней”.

Такие средства определены нами как символические. При непосредственном контакте эти символические средства используются при сопровождении высказывания на вербальном уровне (интонация, жест, мимика).

Гораздо сложнее все выглядит при опосредованном контакте, когда в распоряжении коммуникантов только лексический инструментарий, да и то, в рамках мульти-кросскоммуникаций он – инокультурный. Как мы уже говорили, прелокутивные особенности в коммуникации прямо влияют на форму и тип сообщения (тип текста). В пределах коммуникации тип текста – это реализация ожидаемых, социально обусловленных функциональных возможностей сообщения, прежде всего на уровне композиционном, и далее на лексико-грамматическом. Если выбор типа текста – это вопрос прежде всего ситуативной связанности, то использование лексики, особенности ее функционирования и адекватность восприятия ее иллокутивных характеристик – проблема контекстуальной связанности.

Поскольку язык, и непосредственно речь, отражает ментальную структуру контактера (с ее “центральным” и пограничным пространством), то и само послание соответственно содержит ядерные и периферийные контексты, которые сами же строятся по такой же модели. Иными словами, в сообщении коммуникант демонстрирует как свои уникальные культурологические явления (“границу” контакта), так и свои ценностные ориентиры (“ядро” – “центр” послания). Высокая концентрация оценочности вокруг уникальных явлений в послании делает проблему адекватности восприятия оценочности особенно актуальной в данном виде контекста. Как мы уже говорили, для “повышения понятности” в речи применяются универсальные символические средства, семантика и оценка которых понятна в самых широких коммуникативных объемах.

Функционирование такой единицы в контексте будет непосредственно влиять на все ближайшее лексическое наполнение этого контекста. И, соответственно, с помощью “высокого и стабильного” ассоциативного фона будет передана оценочность всего контекста. На уровне мульти- и кросскультурных коммуникаций высоко востребованы посредники-медиумы, которые владеют знаниями не только о разных культурах, но и об общих символических средствах, с помощью которых достигается понимание при контакте.

Итак, резюмируя теоретический обзор малоисследованных аспектов коммуникации, в данном разделе мы выводим сопутствующие понятия нашего исследования с целью определения основных характеристик лексического наполнения.

Данный теоретический блок иллюстрирует нам следующую очередность понятий, определенных нами в ходе исследования:

1. Объективно-символическое деление на “свое/чужое” пространство.
2. Семантико-иерархическое деление на “центр” и “периферию”.
3. Ассоциативность.
4. Уникальность.
5. Оценочность.
6. Историчность / временная дистантность.
7. Универсальность.

Язык, отражая развитие этнического коллектива, всего рода, фиксирует не только рост лексического объема, но и “направление движения” человека как представителя национальной культуры. Иными словами, язык, фиксируя динамику объемов “центра” и “периферии”, определяет семантико-иерархические уровни лексических единиц, участвующих в “символическом” наименовании явлений окружающей действительности. Соответственно и лексику можно условно подразделить на 1) “периферийную”, которая маркирует в своем роде “пограничные” (уникальные) явления; 2) ценностно-значимую, так называемый “центр”, куда входят понятия, определяющие

щие ценностную структуру общества; 3) номинативную. Используя общепринятый терминологический аппарат, мы прежде всего выделяем реалии (Р), выполняющие функцию национальной идентификации и противопоставления “своего” “иной” культуре на “пограничном” пространстве. В свою очередь, роль “духовной опоры” общества выполняет набор символов (С).

Дело в том, что объем исследования определен актуальными для нас коммуникативными границами, которые включают в себя моно-, мульти-, кросс- и метакультурологические уровни. Постоянное взаимодействие с “иной” культурой (с “чужим”) делает функционирование Р и С особенно значимым в мульти- и кросскультурологических коммуникациях. Вследствие постоянного “соприкосновения с чужим” и символичностью имени, Р и С обладают не только особой семантикой, но и определенным набором оценочных и, соответственно, ассоциативных значений.

Поскольку эта оценочность и образность детерминированы объективно-субъективными факторами, часто при коммуникации используются “ограничители” субъективности в “ассоциативном развитии”. Роль такого “ограничителя” выполняет оценочно-стилистический контекст. Такого рода контексты употребляются обычно с лексикой, не обладающей широким кругом ассоциаций. “Столкновение” относительно стабильных ассоциаций с “внешними” стилистическими “ограничителями” приводит к эксцессным ситуациям. Поэтому для лексики с развитым переносным значением выбираются другие контекстуальные средства с большим ассоциативно-образным потенциалом. Как мы уже упоминали выше, данную лексику отличает универсальность (понятность) семантического значения и стабильность ассоциаций, что достигается за счет ее темпоральной “удаленности”. Соответственно временная дистантность и символичность значения влияют на концептуальный объем этих единиц, за счет чего и обеспечивается достаточно стабильный оценочный фон самого контекста.

Итак, в ходе исследования мы определили три основных лексических единицы, лежащие в основе кросскультурной коммуникации: а) Р – “пограничный” маркер одной культуры, б) С – “свой” внутренние ценностные ориентиры субъекта коммуникации, в) Метасимвол (МС), понятие, семантика и образность которого “граничит” сразу с несколькими культурами. Выбрав в качестве основного критерия объем концептуального значения единицы, расположим Р, С, МС на вертикальной шкале, последив тем самым уровень коммуникации, ее глубину. Помимо фиксирования концептуальных объемов, данная шкала демонстрирует также и темпоральные характеристики лексики.

Но дело в том, что при распределении Р, С, МС на вертикали мы сталкиваемся с проблемой определения статуса лексической единицы. В рамках нашего исследования это – скорее вопрос правильного выбора методик, применимых к национальной лексике. Основной методикой, позволяющей нам объективно определить статус лексической единицы, является тезаурусная. Во-первых, тезаурус фиксирует национальную принадлежность единицы.

Во-вторых, тезаурус не только демонстрирует ценностную картину общества в целом, но и отражает динамику ее изменения в диахронной последовательности. В-третьих, с помощью лингвистических словарей и справочников мы сможем определить наличие у слова переносного значения, что позволит нам отнести его в разряд концептуально значимой лексики.

Следующая методика – контекстуальная. С помощью данной методики мы определяем статус лексической единицы непосредственно по контексту. Как мы уже не раз говорили, объектом нашего исследования выступает национально-значимая лексика, основными характеристиками которой являются уникальность, образность, оценочность. При контекстуальном анализе основное внимание мы уделяем оценочному контексту единицы. Дело в том, что чем меньший концептуальный объем содержит в себе понятие, тем “проще” будет его оценочный контекст. И наоборот, чем больше концептуальный объем, тем сложнее будет “сформировать нужное оценочное значение” понятия. Иными словами, Р, у которых объем предметного значения больше, чем концептуального, формирует “вокруг себя” оценочно-семантический контекст. Внутриобщественный Символ (Мегасимвол), обладающий большей, чем Р, образностью, требует функционирования “рядом с собою” другого, более “мощного символа” (метасимвола), стабильное ассоциативное поле которого создает оценочный фон в контексте.

Третья методика связана непосредственно с тезаурусной и позволяет нам обнаружить метасимвол с целью передачи оценочного значения мегасимвола и Р в рамках как моно-, так и мульти-, кросскультурологических коммуникаций. Эта методика определена нами как символическая. В ее основе лежит диахронный анализ, который позволяет нам выявить метасимволы, занимающие стабильные позиции в общечеловеческой модели миропонимания. Иными словами, максимальная темпоральная дистантность концепта, зафиксированного в современных тезаурусах, свидетельствует о его высоком ассоциативно-оценочном потенциале, и главное, что его значение будет понятно на всех коммуникативных уровнях.

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы:

1. В рамках коммуникации нами определены релевантные для исследования объемы коммуникантов. На горизонтальной шкале мы отмечаем коммуникативные границы, соответствующие культурологическим уровням (моно-, мульти-, кросс-, мега-, мета-). Сам процесс коммуникации предполагает символическое разделение коммуникантов на “свой” и “чужой” на каждом из уровней. Это позволяет нам провести по общемировоззренческой модели “зеркальной оппозиции” общее пространственное деление на “свое / чужое”.

2. Вариант контакта предопределен прелокутивными характеристиками коммуникации. Позитивный вариант контекста возможен при отношении контактеров друг к другу как к субъектам коммуникации. И наоборот, отношение к другому лицу лишь как к объекту коммуникации приводит к негативному варианту контакта. Субъективное отношение предполагает признание ценностных качеств (центр / периферия). Такой контекст осу-

ществляется путем вчувствования (партиципации) в “чужой” ассоциативно-образный мир с осознанием “чужих” символических приоритетов. И наоборот, при негативном варианте действие контактера “сосредоточено” либо на “границе” коммуникации, либо направлено на сам “центр” коммуниканта с целью инверсии его оценочно-символических установок.

3. В ходе контакта (прямого и / или опосредованного) происходит сам процесс передачи послания. Послание, отражая модель мировосприятия человека, также строится на основании лексики, отобранной по критериям иерархичности, уникальности, ассоциативности, оценочности. На символическом делении “свое / чужое”, “центр / периферия” строится также принцип ситуативно-контекстуальной связанности. Это можно проследить в текстах разного типа. Иными словами, при опосредованном контакте необходимо учитывать не только объективный фактор текстовой ситуативной ожидаемости, но и контекстуально-символическое построение всего текста.

4. Что касается лексической наполненности символических пространств, то по критерию семантической значимости мы определяем в “центр” – Символы (С), а на “периферию” – Реалии (Р). По критерию ассоциативной наполняемости мы располагаем на темпорально-ценностной вертикали согласно объемам концептуального значения Р, С и МС соответственно. Распознавание в тексте данных единиц и их характеристик основано на методологическом участии тезаурусного, контекстуального и символического типов анализа.

5. Символическая модель коммуникации демонстрирует не только границы и уровень контакта, но и его общеоценочный вариант (положительный / отрицательный). То есть, отмечая Р, С, МС на символической оси координат, мы определяем сначала границы коммуникации – уникальность контактеров (Р). Далее ассоциативно-образный контекст (стилистический / метасимволический) дает ценностную картину коммуникации. И последний этап заключается в анализе метасимвола – текстового ядра (если таковое имеется). МС используется для понимания контактером текстуального и контекстуального оценочного фона при условии контакта субъектов коммуникации.

6. Данная модель коммуникативного анализа может служить подсобным материалом для изучения проблем межэтнических конфликтов и выработки общих стратегий для их урегулирования.

Литература

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Высшая школа, 1986.
2. Зорівчак Р.П. Реалія і переклад. – Львів: Вид-во при Львівським ун-ті, 1989.
3. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М: Изд-во МГУ, 1982.
4. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. – Л.: Просвещение, 1972.
5. Новикова М.А., Шама И.И. Символика в художественном тексте. Символика пространств. – Запорожье, 1996.